

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

© 2008 г.

Е.В. Тумбаева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

elena_tumbaeva@mail.ru

Поступила в редакцию 16.04.2008

Изучаются концептуальные нормативно-правовые, организационные основы взаимодействия государственных институтов и церкви. Интеграционные процессы помимо формирования единой системы ценностей предполагают создание сети организованных и самодельных объединений граждан для реализации их коллективных интересов. Исследуются особенности формирования этой сети.

Ключевые слова: социальное партнерство, социальный риск, культурный шок, социальная интеграция.

Одним из условий социального развития общества является его стабильность и устойчивость, что достигается в условиях рыночных отношений с помощью института социального партнерства, первоначально ориентированного на примирение социально-классовых интересов в сфере труда и опирающегося на идеи экономической свободы предпринимателей и активной роли государства в перераспределении доходов и организации социальной сферы. В России генезис идей социального партнерства в конце XIX – начале XX века был связан с понятием «гражданское общество», с обоснованием его структурных элементов. Развитие идей гражданского общества в работах отечественных специалистов шло через исследование соотношения общества и государства, осмысление таких понятий, как «прогресс», «солидарность», «сотрудничество». В широком смысле слова социальное партнерство можно рассматривать как процесс сотрудничества на основе взаимоприемлемости и согласия интересов различных социальных групп с целью решения текущих и перспективных задач как в интересах этих групп, так и в интересах всего общества [1].

В работе Ю.Г. Одегова, Г.Г. Руденко, Н.Г. Митрофанова система социального партнерства рассматривается как «особый институт гражданского общества, основанный на признании необходимости и ценности всех социальных групп, образующих структуру общества, безотносительно к их численности и социальному статусу, и их права отстаивать и практически реализовывать интересы» [2]. В концепции становления и развития системы социального партнерства в Российской Федерации оно определяется как «способ

интеграции интересов различных социальных слоев и групп, разрешения возникающих между ними противоречий путем достижения согласия и взаимопомощи, отказа от конфронтации и насилия» [3]. В рамках государства социальное партнерство выступает как система отношений различных субъектов, которая ориентирована на первоочередное удовлетворение общенациональных интересов с учетом групповых и корпоративных. В настоящее время в России социальное партнерство более всего распространено в социально-трудовой сфере. По мнению Т. Сулимовой, «неизбежно его распространение на другие сферы общественной жизни... на реализацию разумной социальной политики. Поэтому имеет смысл говорить о социальном партнерстве как о согласовании позиций самых различных сторон, любых партнеров, стремящихся к социальному миру и политической стабильности во всех сферах общественной жизни» [1].

Именно как партнерские отношения трактуют свое взаимодействие в последние годы Российское государство и Русская православная церковь (РПЦ). В августе 2000 года юбилейный Архиерейский собор Русской православной церкви принял «Основы социальной концепции РПЦ» – первый в истории РПЦ официальный программный документ, призванный служить руководством не только для церковных учреждений в их взаимоотношениях с государственной властью, различными светскими объединениями и организациями, но и для индивидуальных членов церкви.

В 16 разделах «Основ...» представлено отношение церкви к различным аспектам современного общества. Концепция выступает за диалог людей независимо от их

мировоззренческих позиций. В документе очерчиваются границы лояльности церкви по отношению к государству, заявлено о необходимости дистанцироваться от политических доктрин, конкретных общественных сил, в том числе находящихся у власти. Отказ от поддержки каких-либо политических сил сочетается в «Основах...» с утверждением социальной активности, с рекомендациями взаимодействовать с властями во имя всеобщего блага на поприще миротворчества, благотворительности, решения социальных проблем. Развивается тема соотношения норм нравственности и закона. Допуская наличие различных политических убеждений среди клира и мирян, церковь не отказывается от публичного выражения определенной позиции по общественно значимым вопросам. Рассматриваются нравственные аспекты трудовой деятельности и распределения продуктов труда. Особое внимание уделено ценностям христианской семьи, ее исключительной роли в развитии личности и вопросу об основаниях к расторжению церковного брака. Рассматриваются вопросы, связанные с демографическим кризисом в стране, сотрудничеством с государством в деле здравоохранения. Излагаются нравственные ограничения научной, культурной и технологической деятельности, отношение церкви к светскому образованию, навязыванию антихристианских идей учащимся, заявляется о необходимости проведения уроков христианского вероучения в светских школах, содержится позиция церкви в отношении нравственной безответственности многих СМИ. Всесторонне рассмотрен процесс глобализации, несущий угрозу духовной и культурной экспансии и тотальной унификации. Области «сотрудничества» церкви и государства в нынешний исторический период являются:

- духовное, культурное, нравственное, патриотическое образование и воспитание молодого поколения;
- дела милосердия и благотворительности;
- развитие совместных социальных программ;
- наука, включая гуманитарные исследования;
- экономическая деятельность на пользу церкви, государства и общества;
- поддержка института семьи, материнства и детства [4].

За прошедшее время церковными учреждениями проделана большая работа по

реализации задач, сформулированных в «Основах...», однако, по мнению архиепископа Димитрия (А. Капалина), ректора Тобольской духовной семинарии, «социальная деятельность Русской православной церкви в период с начала 90-х годов XX века до настоящего времени... широко не исследовалась. Сегодня пока невозможно говорить о каком-либо планомерном социальном партнерстве государственных учреждений и Церкви. Причиной этого является отсутствие достаточно проработанной законодательной базы для осуществления такого служения» [5]. Препятствует изучению обозначенной области социальной реальности недостаточная разработанность концептуальных основ анализа сущности, механизмов, структуры взаимодействия государства и церкви.

Безусловное возрастание роли религиозного фактора в общественной жизни неоднозначно оценивается социологами, которые задают вопросы: «Какую роль в функционировании современного мира играет религия? Какое место она занимает в решении злободневных проблем общества и государства? Идет ли секуляризация или клерикализация общества?» [6]. Исследование обозначенных проблем с позитивистских позиций на основе «методологического атеизма», укоренившегося в отечественной социологии с советского периода, неизбежно приводит к выводу об угрозе политической дестабилизации и провоцирования межконфессиональных конфликтов. Религия и церковь при таком подходе по определению препятствуют социальному прогрессу и модернизации общества [7, 8]. Мы разделяем оценку потенциала такого подхода, данную О.Ю. Берской: «Данная методология дает возможность проводить исследования на национальной выборке, получая статистический материал для отчетов о процентном распределении доли респондентов, идентифицирующих себя в качестве членов той или иной конфессии. Однако возникает вопрос, насколько данные исследования помогают понять, что есть церковь в ее социальном проявлении?.. Каково соотношение церкви и общества?» [9]. Преодоление исследовательского кризиса, по мнению этого автора, возможно в рамках интерпретативной парадигмы, в которой «объект и субъект-исследователь не заданы заранее... объект имеет возможность говорить о себе... а исследователь использует этот язык при построении модели объекта» [9]. Данное направление, опираясь на теоретический багаж

социологии, подключило бы к своей методологии язык и категории, используемые в христианской антропологии, каноническом праве, церковных социальных доктринах. Принципы такой методологии только начинают обсуждаться в отечественной социологии [10].

В исследовании особенностей взаимодействия церкви, государства и других институтов гражданского общества, оставаясь в рамках структурно-функционального подхода, мы не оцениваем функционирование и социальную роль церкви с позиций «методологического атеизма». Изучение особенностей позиции церкви в российском обществе, динамики ее функций и взаимодействия с другими институтами целесообразно вести в контексте процессов социокультурной трансформации российского общества. В этом контексте можно выделить два аспекта исследовательского интереса: во-первых, общая социально-экономическая ситуация, определяющая уровень жизни населения, его социальное самочувствие, общественное сознание и поведение; во-вторых, социокультурные механизмы модернизации, способы преодоления культурной травмы, сопровождающей кардинальные социальные изменения. Актуальным остается вопрос о взаимосвязи российской модернизации с глобальными социальными процессами углубления институциональной дифференциации и возрастания рисков. Современное общество развивается от дифференциации, первично ориентированной на социальные слои, к дифференциации по функциональным подсистемам. Разделение труда, которое чаще всего приводит в качестве примера функциональной дифференциации индустриального общества, не является сегодня решающим признаком. Гораздо более важным является дифференциация и конституирование таких подсистем, как наука, политика, хозяйство и т.д., которые в известном смысле автономны, воспроизводятся по своему особому образцу и больше не следуют лишь общей логике общественного развития. Интеграция общества больше не может быть достигнута с помощью простого общежития людей, а создается взаимодействием функциональных подсистем, каждая из которых имеет собственные перспективы развития. Функциональная дифференциация ведет к децентрализованному обществу. «Никакая из подсистем общества не может более претендовать на то, чтобы представлять общество в целом. Другими словами,

современное общество больше не обладает какой-либо центральной рефлектирующей инстанцией. Ни государство, ни капитал, ни тем более пролетариат не представляют собой место концентрации общих интересов, поскольку самих таких интересов больше нет», – подчеркивает Г. Бехман в своем обзоре современных концепций риска [11]. Функциональная дифференциация ведет, с социальной точки зрения, к структурно заданному перепроизводству возможностей. Из этого следует, например, увеличение шансов, но также и принуждение к выбору, высокая степень невероятности и рискованности для любого типа принятия решений. Появляется общественное осознание риска социальных решений, которое заставляет государство форсировать разработку соответствующих законодательных мер, чтобы исключить или минимизировать социальную неуверенность. Новые риски зависят главным образом от их социального определения и могут стать достоянием опыта через систему социальной коммуникации. В этих условиях актуализируются все практики субъективной минимизации риска, в том числе и религиозные.

На эмпирическом уровне исследований современную ситуацию в российском обществе Н.И. Лапин определяет как «тревожную стабилизацию». Для нее характерны устойчивое воспроизводство социальных контрастов, дополняемое асимметричным ростом одних компонентов за счет стагнации других, не менее важных [12]. В системе социального расслоения закрепился большой удельный вес нижних, во всех отношениях униженных слоев, контрастных по отношению ко всем остальным слоям общества. Треть населения страны продолжает существовать в условиях бедности и нищеты. Еще более четко институционализировался небольшой по численности верхний слой преуспевающих богатых, который отделен от остальных слоев непреодолимой социальной дистанцией. Устойчивость общества как социального целого предполагает минимальный уровень социального самочувствия его членов. Наиболее очевидная составляющая самочувствия людей – социальный оптимизм и удовлетворенность своей жизнью в целом. В 2006 году, согласно исследованиям Н.И. Лапина, доля россиян, в целом удовлетворенных своей жизнью и оптимистично смотрящих в будущее, превысила половину опрошенных. Но треть населения по-прежнему не удовлетворены

своей жизнью. Это преимущественно те, у кого плохое жилье, кому недоступны качественное образование, товары и обслуживание. На очень низком уровне остается защищенность населения от главных социальных опасностей – преступности, бедности, произвола чиновников. Уровень данной защищенности упал в первой половине 1990-х гг. в три-четыре раза и с тех пор почти не изменился. Вновь стала расти зависимость граждан от властей при решении насущных проблем жилья, здравоохранения, пенсионного обеспечения, а самостоятельность при их решении, которая выросла в 1990-е годы, стала снижаться. Одним из проявлений асимметрии социального самочувствия является заметное снижение интенсивности слоевой близости во всех ее видах: личной (дружеской), возрастной, этнической, имущественной, профессиональной, поселенческой, гражданской, религиозной. Снижение интенсивности общения и слоевой близости, отмечает автор, в целом соответствует характеристике модернистского сознания. Нарастает тенденция к индивидуализации общества с ее трудными проблемами [12].

Сохраняется кризис доверия граждан государственным институтам. Доверие парламенту, милиции и политическим партиям является самым низким в системе институтов власти – 11–20%. Оно осложняется недоверием населению «этой страны» со стороны самих акторов институтов, которые тем самым тормозят развитие процесса взаимного доверия в российском обществе. Наибольшим доверием населения пользуется президент В.В. Путин – 69% и церковь – 57% [12].

Имеет место пространственная асимметрия экономического развития. В средних и малых городах, как правило, нет возможностей для реализации профессиональных амбиций молодежи и не только ее. Отток населения из этих городов не прекращается, а сами города все больше архаизируются. В этих условиях одним из очевидных и традиционных направлений партнерства государства и РПЦ являются социальная помощь и защита населения. Во всех епархиях РПЦ созданы и активно действуют отделы социального служения и благотворительности, выполняющие функции управления и координации работы. Архиепископ Димитрий, оценку которым состояния и проблем партнерства государства и церкви мы приводили выше, отмечает в своей статье, что «увеличение количества социальных объектов сегодня является одной из главных задач

епархии. Сегодня жизнь прихода не должна замыкаться только на богослужении» [5]. Отдел социального служения и благотворительности Йошкар-Олинской и Марийской епархии работает по следующим направлениям:

- координация социальной деятельности в церковных округах;
- оказание помощи нуждающимся, лишенным крова;
- работа в социальных и лечебных учреждениях;
- кормление детских домов, приютов и других детских учреждений;
- забота о престарелых, ветеранах и инвалидах;
- создание епархиальных структур, занимающихся благотворительностью;
- взаимодействие с предприятиями, частными лицами, заинтересованными в оказании помощи нуждающимся и обездоленным через посредничество церкви.

Основная работа в области социального служения осуществляется православными центрами и братствами городов Йошкар-Олы, Козьмодемьянска, Волжска, поселка Новый Торъял. При Йошкар-Олинском центре работают воскресная школа, школа сестер милосердия, библиотека, детский сад, социальный отдел, паломническая служба, миссионерский отдел, благотворительная столовая, приют на 6 мест.

Одним из главных направлений в деле социального служения ближним остается развитие сестринского движения. За 10 лет существования школы сестер милосердия в ней прошли подготовку и получили удостоверения 142 человека, которые в настоящее время оказывают медико-социальную помощь в лечебных учреждениях, домах-интернатах, осуществляют патронаж на дому. В 2007 году сестры милосердия принимали участие в реализации медико-социального проекта «Помощь». На полученные по проекту от Общественной палаты Российской Федерации 200 тысяч рублей были приобретены медицинские принадлежности, необходимые при уходе за тяжелобольными. В ходе реализации проекта 16 сестер милосердия в течение восьми месяцев безвозмездно оказывали духовную и медицинскую помощь 17 больным престарелым людям. Детские социальные учреждения Йошкар-Олы и республики находятся под особым вниманием управляющего епархией архиепископа Йошкар-Олинского и Марийского Иоанна. При активном участии благотворителей осуществляется материальная поддержка малообеспеченных семей, а также оказывается

материально-техническая и финансовая помощь учреждениям.

Партнерство государства и церкви в области социальной защиты и помощи является традиционным, отчасти публичным и легализованным в общественном сознании. Проблемы в этой области связаны с недостаточной разработанностью законодательной базы, не соответствующей потребностям динамично развивающейся практики. Вторая область взаимодействия – политическая включает легитимацию власти со стороны церкви, а также реализацию последней функции социального контроля. Эта проблема часто оказывается в центре идеологических и политических дискуссий и не входит в задачи нашего исследования. Третья область взаимодействия – реализация функции социальной интеграции общества. Государство и церковь – это два института, обладающие мощными централизованными структурами. Безусловно, речь не идет о массовом воцерковлении населения. Некоторые особенности социально-экономического развития способствуют сохранению традиционных форм культуры, в том числе и религиозной.

Территориальная неравномерность экономического развития вряд ли будет преодолена. Значит, будут продолжать сосуществовать поселенческие и территориальные общности с преобладанием доиндустриальных, индустриальных, постиндустриальных укладов. В малых городах основная часть трудоспособного населения занята в государственных учреждениях социальной сферы и жизнеобеспечения. Частный сектор обычно представлен здесь малыми предприятиями сферы торговли и услуг, а также производства товаров потребления. Все это способствует сохранению установок на государственный патернализм. Происходящие в российском обществе процессы поддаются более глубокому пониманию с позиций концепции культурной травмы П. Штомпки. Таким образом он определил тип социальных изменений, имеющих комплекс признаков. Это резкие, внезапные изменения, происходящие в очень короткое время, охватывающие одновременно различные области общественной жизни, затрагивающие главные для данной группы ценности, правила и убеждения и совершающиеся неожиданно. Побочные последствия культурной травмы связаны с появлением новых форм риска и угроз,

ухудшением условий жизни, необходимостью заново и по-новому решать проблемы, уже существовавшие прежде, актуализацией в памяти избранных событий прошлого и ревизией их значения. Одним из условий преодоления культурной травмы П. Штомпка считает определенный типовой уровень коллективного капитала, ресурсов. Релевантными в этом отношении ресурсами наряду с богатством, стабильной работой являются крепкая семья, религиозные верования [13]. В антропологическом плане можно выделить две характеристики личности, которые могут определить ее как инновационное, так и устойчивое поведение – это персональность и внутренняя дистанция.

Персональность характеризует отношение человека к конечным смыслам. Это то, что поднимает индивида над рутинной повседневностью, твердая приверженность определенным нормам возвышает над обыденностью, не отнимая возможности жить в повседневном мире. Подобный идеал может иметь как религиозный, так и секулярный характер. Религиозная практика способствует его укреплению. Внутренняя дистанция означает способность индивида отказаться от тех образцов поведения, которые не соответствуют персональности, твердым принципам индивида. На стадии рутинизации твердые принципы религиозного императива превращаются в моральные императивы. Неформальная российская экономика и неструктурированное российское общество в каждом из своих фрагментов зависят от моральных свойств людей. Из состояния аномии и моральной трясины нужно выходить социальными средствами – действием законов, опорой на людей, достойных уважения, восстановлением морального климата, в том числе и посредством этики убеждения. Основы социальной концепции РПЦ, определяющие задачи и направления социальной активности церкви, создают необходимые условия для участия РПЦ в этих процессах. Изложенные в ней идеи вводят успешную предпринимательскую деятельность в контекст духовной жизни общества, подчеркивают ее подчинение высшим нравственным и религиозным ценностям. Легитимации новых форм деятельности и интеграции модернизирующегося общества способствует их подчинение хотя бы на уровне идеологии принятым в обществе структурам идентичности. Легитимация успешной деятельности обеспечивается высокой трудовой

и профессиональной этикой, которая распространяется на все слои и классы, так как труд дает возможность человеку преодолеть свой эгоцентризм участием в коллективном труде и предоставляет шанс совершенствовать свои способности. Интеграция модернизирующегося общества основывается на устойчивой срединной культуре, в рамках которой происходит снятие антиномичных ценностных ориентаций, антагонистических стереотипов и экстремальных форм социальной деятельности. На уровне срединной культуры неприемлемы авантюризм, гипертрофированная достижительность, равно как и полная пассивность, праздность, принятие нищеты как неизбежности. Высокий уровень доверия населения к церкви проявляется, в частности, в том, что люди надеются на ее успешную деятельность в области «духовного возрождения России путем формирования устойчивой системы ценностей и духовного единения русского народа, формирования и поддержки важнейших социально-нравственных качеств: доброжелательности, патриотизма, уважения, честности, трудолюбия, целостного мировоззрения, помощи в решении проблем наркомании, алкоголизма» [14].

Представляет большой исследовательский интерес выяснение, насколько оправданы эти ожидания. Интеграционные процессы помимо формирования единой системы ценностей предполагают сеть организованных и самодеятельных объединений граждан, позволяющих реализовать их коллективные интересы. Активность церкви в этом направлении также будет предметом нашего исследования. Анализ приведенных выше социальных фактов и проблем может быть оптимальным с позиций институциональной и социокультурной теорий и других теоретических подходов.

Список литературы

1. Сулимова Т. Социальное партнерство в системе социально-трудовых отношений // Социальная политика и социальное партнерство. 2007. № 9. С. 60, 63.
2. Одегов Ю.Г., Руденко Г.Г., Митрофанов Н.Г. Рынок труда и социальное партнерство. М., 1998. С. 155–156.
3. Концепция становления и развития системы социального партнерства в Российской Федерации. М., 1997. С. 10.
4. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. С. 4.

5. Капалин А. Социальная работа в приходах Тобольско-Тюменской епархии // Социальная политика и социальное партнерство. 2007. № 7. С. 43.

**THE STATE AND THE CHURCH:
THE PERSPECTIVES AND PROBLEMS OF SOCIAL PARTNERSHIP**

E.V. Tumbaeva

The problem of the research presented in the article contains the analysis of Russian Orthodox Church documents in the field of social activity and the State and Church partnership, the critical analysis of the Russian sociological methodological approaches of learning the Church social activity. The article includes the number of hypothesizes and the confirmation of methodological position. It characterizes the Church organization structures and services that solve the problems of social help and the integration of the local groups.

6. Осипов Г.В. Тощенко Ж.Т. Современный мир и религия // Вопросы философии. 2007. № 6. С. 4.
7. Тощенко Ж.Т. Государство как субъект теократии // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 3–14.
8. Широкалова Г.С., Аникина А.В. Политический выбор Русской Православной Церкви как фактор, определяющий ее будущее // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 103–112.
9. Берская О.Ю. Социология религии в Восточной Европе: методология и предмет исследования // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 99.
10. Проблемы христианской социологии (круглый стол). // Социология. 2007. № 1. С. 250–256.
11. Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 44.
12. Лапин Н. И. Тревожная стабилизация // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 39, 46, 51.
13. Штомпка П. Социология. Анализ общества. М., 2005.
14. Капалин А. М. Социальная деятельность приходов Тобольско-Тюменской епархии // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 114.